

С. С. Донченко

КОНЦЕПЦИЯ «ВНУТРЕННЕГО ЧЕЛОВЕКА» В ТВОРЧЕСТВЕ НАРОДНЫХ ПЕВЦОВ-БАУЛОВ

Фольклор является неотъемлемой частью культуры любого народа. Одним из самых ярких видов устного народного творчества по праву считаются песни. В Бенгалии (регион индийского субконтинента, который объединяет в себе территорию Республики Бангладеш и индийского штата Западная Бенгалия) огромной популярностью пользуются песни баулов.

Баулы (бенг. bāul), носители одной из живых фольклорных традиций Бенгалии, обрели широкую известность среди различных слоев населения Восточной Индии именно благодаря своим песням (так называемым *баул-ган* — бенг. bāul-gān). В песенном творчестве баулы отражают свое мировоззрение, сформировавшееся на основе ряда религиозно-философских, в том числе и эзотерических учений: вишнуистской и буддийской тантры, йоги и суфизма. Для баулов сочинение и исполнение песен является единственным способом самовыражения и передачи своего учения: они отрицают авторитет священных текстов, отдавая первостепенное значение непосредственной передаче знания ученику от наставника. Приведем пример песни баула Дудду, в которой раскрывается суть учения баулов:

Баул тот, кто ищет Бога в человеке.
Бог находит себе приют в материи.
Прежних не признает он рождений-перерождений.
Домыслов не признает,
Человека чтит сейчас и сегодня,
И на этом стоит.
Веды, тулси¹, бряканье четками —

---

¹ Тулси (лат. *osimum sanctum*) — дерево, почитаемое индуистами как священное.

Все это баул считает обманом,
Фокусом шайтана,
Ошибочно все это.
Человек — средоточие всего сущего, —
Пораздумав так, баул считает.
Что еще сказать может смиренный Дудду,
Тот, кто верно следует за Лалоном Шай².

Большую роль в жизни каждого из представителей сообщества баулов играют эзотерические практики (подчас сексуального характера), часть из которых восходит к йоге. Баулы признают существование тонкого тела, энергетических каналов-нари и центров-чакр, однако стройная система взглядов у баулов отсутствует в силу эклектичности их учения. Поэтому в различных источниках (в основном в самих песнях) подчас наблюдаются расхождения в названиях чакр, их функциях и количестве.

Одни баул-ган написаны в форме исповеди и повествуют о личных переживаниях и трудностях автора на пути к познанию истины, другие же являются своеобразными проповедями-наставлениями, в которых содержатся как их мировоззренческие установки (неприятие священных текстов, религиозной и социальной стратификации), так и зашифрованные с помощью кодового языка поучения, касающиеся правильного совершения эзотерических практик. Во многих песнях вышеупомянутые аспекты встречаются одновременно, так что однозначно определить тип песни затруднительно.

В песнях-проповедях социальной направленности кодовый язык не применяется: они направлены на самую широкую аудиторию. В песнях-проповедях эзотерического толка, напротив, кодовый язык применяется наиболее широко: в них используется терминология, понятная лишь баулам. В песнях-исповедях также используется кодовый язык. Мастерское владение подобным «шифрованием» позволяет создать в песнях два полноценных смысловых пласта: один из них является «внешним», доступным для понимания всем и каждому, второй же — «скрытый» — осно-

---

² Бенгальский текст см.: [Bhaṭṭācārya 1957: 831].

ван на значении терминов кодового языка, известного лишь людям, знакомым с учением баулов.

Наиболее популярны песни-исповеди. Это не случайно. Они обладают потрясающей выразительностью; «внешний», содержательный пласт песен такого типа, как правило, напоминает лирическое стихотворение, полное страданий от невозможности обрести желаемое или встретиться с кем-то чрезвычайно необходимым. Таким образом, у рядового слушателя возникает иллюзия полного понимания песни, он сопереживает ее лирическому герою. Однако использование кодового языка в песнях подобного типа подразумевает еще один смысловой пласт, в котором повествуется о неудаче баула-практика на пути самосовершенствования.

Важную роль в ритуалах баулов играют сексуальные практики, которые проводятся в период менструации партнерши баула. Как утверждают баулы, именно в этот период в тонком теле человека проявляется некая сущность, для обозначения которой в песнях используется целый ряд наименований: mānuṣ («человек», «идеальный человек», «внутренний человек»), maner³ mānuṣ («человек разума»), adhar mānuṣ («неуловимый человек»), asin pākhi («непознаваемая птица»), mīn («рыба»), paraśī («сосед»), kaṇḍāgī («паромщик») и др.

Существует немало сложностей в вопросе трактовки того, что же представляет собой эта сущность. В целом в процессе анализа песен напрашивается вывод о том, что «идеальный человек» — это божественное начало, заключенное в человеке. Баул знает о его существовании, однако попытки осознать его возможны лишь в то время, когда «истинный человек» проявляет себя.

Анализ баул-ган показывает, что «идеальному человеку» в песнях уделяется наибольшее внимание. Образ «идеального человека» занимает в песнях баулов ключевое место. По терминологии В.Е. Холшевникова подобный образ правомерно назвать

---

³ Несмотря на то что бенгальское слово man восходит к санскритскому manas, в бенгальском языке оно имеет более широкий спектр значений, обозначая «разум», «сердце», «настроение», «интерес» и др. См.: [Bengali-English Dictionary 2000: 835].

тематическим, ибо именно он наиболее устойчив, наиболее часто встречается в различных комбинациях и воспроизводится в песнях через целый ряд поэтических символов.

Чаще всего для обозначения «внутреннего человека» используется слово «mānuṣ» («человек»), как изолированно, так и с различными определениями. Рассмотрим фрагмент песни известного представителя традиции баулов Лалона Фокира:

В этом человеке есть тот человек.

Сколько мудрецов пыталось найти его в течение четырех юг⁴!

Как луна, что на воде видна, — рукой не схватить —

Так и он вечно в сиянии света пребывает⁵.

В данном отрывке мы видим, как с помощью указательных местоимений «этот человек» (ei mānuṣ) противопоставляется «тому» (sei mānuṣ). Для разделения понятий используются указательные местоимения ближнего и дальнего планов: для обозначения обычного человека используется местоимение ближнего плана, для указания на человека «внутреннего» — местоимение дальнего плана. Подобное использование местоимений вовсе не обязательно: во многих песнях с помощью слова «mānuṣ» обозначается как сам человек, так и его божественное начало, что усложняет восприятие песни. В качестве иллюстрации приведем еще один пример:

В человеке есть человек.

Если присмотреться —

Человека узнаешь.

Золото не скрыть под краем сари —

Лучи прорываются наружу⁶.

⁴ Юга (санскр. युग) — «в мифологической хронологии понятие, которое обозначает самую мелкую единицу исчисления времени, основанную на представлении о божественном, в противоположность человеческому времени. Четыре юги образуют *махаюгу* и обозначаются терминами для игры в кости (*крита, трета, дванара* и *кали*)» [Альбедиль 1996: 477].

⁵ Бенгальский. текст см.: [Islām 1989: 47].

⁶ Бенгальский текст см.: [Bhāṭācārya 1957: 987].

При слове «mānuṣ» в песнях баулов для обозначения «внутреннего человека» употребляется целый ряд определений, раскрывающих его «суть». Иносказание «золотой человек» (sonār mānuṣ) подчеркивает его исключительное значение:

Будешь воспевать человека — золотым человеком станешь.
Отстранившись от человека, о безумец, ты потеряешь корни.
На стебле двухлепесткового [лотоса] сияет золотой человек...⁷

«Стать золотым человеком» в данном случае обозначает «понять» его, достичь с ним единения. Под двухлепестковым лотосом подразумевается чакра аджня («третий глаз»), в которой, как утверждают баулы, проявляется «внутренний человек».

Одним из самых популярных обозначений для «идеального человека» является словосочетание «maneg mānuṣ» — «человек разума», «внутренний человек» (в разговорной речи это выражение может иметь значение «сердечный друг»). В одной из песен Кхэпы Модона встречаем следующий фрагмент:

Внутренний человек есть в этом человеке, не упусти
Его; увидь его, о разум, глазами знания⁸.

По одной из версий, «внутреннего человека» следует «ловить» во время сексуальных практик в менструальной крови партнерши баула. Этим обусловлено еще одно название «внутреннего человека» — gaser mānuṣ, где слово «gas», стоящее в родительном падеже, имеет значения «жидкость», «сок», «нектар».

С помощью слова «mānuṣ» для обозначения «внутреннего человека» образуются такие сочетания как acin mānuṣ («непознаваемый человек»), adhar mānuṣ («неуловимый человек»), ālek (ālekh) mānuṣ («неописуемый человек»), saḥaj mānuṣ («естественный человек»); как правило, обозначает именно проявленную форму «внутреннего человека», которую пытаются «изловить» во время ритуала).

⁷ Бенгальский текст см.: [Islām 1989: 71].

⁸ Бенгальский текст см.: [Bhāṭācārya 1957: 914].

Помимо термина «*mānuṣ*» и словосочетаний с ним в качестве наименования «внутреннего человека» встречаются слово «*rākhī*» («птица») и ряд словосочетаний с ним: *adhār rākhī* («неуловимая птица»), *acin rākhī* («непознаваемая птица»), *man-rākhī* («птица разума»). В подавляющем большинстве баул-ган подобная птица изображается свободно и незаметно влетающей в клетку и вылетающей из нее; герой песни пытается приручить ее, однако все его попытки обречены на неудачу:

Долгое время приручал я непознаваемую птицу.
 Но не дает она мне себя разгадать.
 Горькие слезы оттого я проливаю.
 Слышу, как птица щебечет,
 Но не разглядеть мне ее облик, брат,
 Как мне быть?⁹

В некоторых песнях для указания на «внутреннего человека» используются слова, обозначающие драгоценность: *maṇi* («драгоценный камень»), *mānuṣ-ratan* («жемчужина человека») и некоторые другие. Такое наименование «идеального человека» свидетельствует о его чрезвычайной значимости для адепта:

Прилагай усилия, чтобы обрести жемчужину человека,
 Без старания не обретешь.
 А как найдешь этого человека,
 Считай, что обрел чистое золото¹⁰.

Подчас для указания на то, что «внутренний человек» находится совсем рядом, однако вне досягаемости, его называют «соседом» или «другим». В одной из песен Лалона встречаем следующий фрагмент:

Я не видел его ни разу.
 Рядом с моим домом есть зеркальный город,

⁹ Бенгальский текст см.: [Islām 1989: 13].

¹⁰ Бенгальский текст см.: [Bhāṭācārya 1957: 968].

Там живет сосед.
Разлилась вода — берегов не видать, и переправы нет.
Повидать его охота, да как доберешься?¹¹

В этом отрывке под «зеркальным городом» понимается верхняя часть головы — чакра сахасрара или аджня, где пребывает неведомый «сосед».

В песнях баулов встречаются и другие наименования «внутреннего человека»: *adhār cād* («неуловимая луна»), *sāī* («господин»), *mīn* («рыба») и др.

Кодовый язык баулов имеет метафорическую природу. В контексте учения баул видит реальное сходство между сущностью «внутреннего человека» и смыслом тех слов (или словосочетаний), которые используются в песнях для его обозначения. Таким образом, для баула все наименования «внутреннего человека» подобны языковым метафорам.

Все эти иносказания служат для формирования образа «внутреннего человека». Этот образ оказывается общим для песен-исповедей, ведь в них описывается одна и та же сущность, познать которую стремится каждый баул. Тематический образ «внутреннего человека», таким образом, передает слушателю представления о самой сущности как о чем-то очень ценном, страстно желаемом, находящемся в непосредственной близости от героя, однако недостижимом ни при каких условиях. Ощущение собственной беспомощности в попытках обрести эту сущность приводит баула в отчаяние: ему никак не удастся «увидеть внутреннего человека», «встретиться с соседом», «поймать рыбу», «изловить неуловимую птицу» и т.д.

Вышеупомянутые характеристики «внутреннего человека» проявляются через внешний смысловой план. Например, подробное описание птицы, влетающей и вылетающей из клетки по собственному усмотрению вне зависимости от желания хозяина клетки, само по себе обладает полнотой смысла. Однако в купе со знанием, что слово «птица» является иносказанием, и с понима-

¹¹ Бенгальский текст см.: [Islām 1989: 17].

нием того, на что это иносказание указывает, просвещенный слушатель переносит характеристики описываемой птицы на «внутреннего человека». Это достаточно четко прослеживается в следующем отрывке:

В клетку непознаваемой птице
 Как удастся проникать?
 Если б я [ее] поймал, цепочкой разума
 Сковал бы ее лапки¹².

В некоторых песнях подчеркивается непосредственная близость неуловимой птицы к герою:

Слышу, как птица щебечет,
 Но не разглядеть мне ее облик...¹³

Сопоставление описаний птицы в текстах ряда песен способствует созданию целостного образа. Дальнейшее сопоставление подобных образов («птица», «рыба», «золотой человек», «жемчужина человека» и т.д.) позволяет сделать вывод об их принципиальном сходстве. Объединение основных характеристик вышеупомянутых образов дает возможность создать полное (насколько это возможно для не-баула) представление об общем для песен баулов тематическом образе, за которым скрывается загадочная сущность «внутреннего человека».

Библиография

- Альбедиль М.Ф.* Юга // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / Под общ. ред. М.Ф. Альбедиль, А.М. Дубянского. М., 1996.
Bengali-English dictionary. Kolkata, 2000.
Bhaṭṭācārya U. Bāṃlār bāul o bāul gān. Kalikātā, 1957.
Islām H. (samp.). Bāṃlār priya lālan gīti. Ḍhākā, 1989.

¹² Бенгальский текст см.: [Islām 1989: 17].

¹³ Бенгальский текст см.: [Ibid.: 13].